Далёк мой путь до звёзд и совершенства

Нэлли Спасова-Земляниченко

Предзимье

И ты преображаешься мгновенно –
открытый взгляд
и откровенный смех.
Как ласково, как необыкновенно
запеленал уснувший город снег!
Пока ещё деревья не согреты,
но замерли, от сумерек светлы.
И кажется, что сохранило лето
спокойные и чуткие стволы.
А на просторе снегу не лежится,
в раздольном поле
он взметнётся вдруг,
ворвётся в город –
где бы приземлиться?
Сведёт с ума,
захватит ветром дух,
и снова под метель не спать ночами...
Спасай меня, пурга, от суеты!
...Белее снега в мире нет печали,
светлей его не знаю доброты.

* * *

Сварить, постирать,
рассчитаться с посудой,
ворчать перестать
и из дому сбежать.
Поверить простому и вечному чуду,
что можно с восторгом закат наблюдать,
по берегу тёплой Казанки, как в детстве,
скакать, не боясь уколоться, босой...
Как счастливо бодрое, звонкое сердце!
И дождик застигнет – июльский, косой.
Промокнуть, поверить…
Вконец пролениться,
помедлить
к своим возвращаться домой.
Но остановиться вдруг
и убедиться,
что вовсе недолгое счастье – одной.

* * *

Вот так, скупясь на страсти, мы живём,
губами губы по ночам жуём.
Привычно спим на мужниных руках,
а в снах своих витаем в облаках.
В накидках белых, в грусти голубой
так женственно летаем над землёй.
А просыпаясь, по делам спешим,
в движеньях рук ещё остались сны.
В лице – усталость и тоска по ним:
глаза тускнеют, щёки не нежны.
И уголки опущены у губ
при мысли, что привычен муж и груб.
И волосы, как прежде, не блестят –
в них тихие слова не говорят.
Глаза совсем обычны, словно дни.
Они обычны, и обходят их…
Как хочется самой собою быть!
В родных руках забиться и забыть
веками предназначенный удел...
Уплыть долой от надоевших дел
под парусами розовых недель
за то, что кто-то вспышку разглядел.

В Займище

Хочу увидеть чистые пруды,
и нет со мною никакого сладу.
Возьму с собою хлеба и воды,
с утра пораньше в электричку сяду,
на радостях, что бросила дела,
не срочные – домашние, пустые,
я буду потихоньку напевать
мелодии, смешные и простые.
Я выйду здесь, нет, лучше выйду там,
где небо чище, значит, сосны выше.
Я стану лёгкая – не по годам –
и смело босиком пойду по шишкам.
Найду поляну. Книгу на траву,
хлеб выложу,
пускай пропахнет солнцем!
Читаю, ем, валяюсь...
Я – живу.
И вдруг... во мне такой восторг проснётся
от птиц лесных – поют на все лады!
От зелени.

Другие меркнут краски...
Во мне застынут чистые пруды,
когда вернусь домой из этой сказки.

* * *

Пришла сюда издалека –
Ты ни о чём меня не спрашивай.
И, как осенняя река, стою у берега, озябшая.
Припал к щеке весенний лист,
Печальной лаской тронул за сердце...
Он одинок и золотист –
Куда ему от ветра спрятаться?
Я только трону – отойдёт,
А брошу – снова замороженный...
И улетит. Как ты – уйдёт, а сердце
Снова растревожено.
Я осень позднюю люблю
За листья, ярко умирающие,
За каждый клён,
За тот уют,
Что в нашем доме не бывал ещё.

M. Akhat

* * *

Настрадалась, видно, вволю.
На виду, как на потеху,
сеточки морщин – от горя,
лучики морщин – от смеха.
Не скрываю счастья, боли,
значит, не могу иначе...
Я хочу по доброй воле
жить,
лицо своё не пряча.

Берёз просветленные лица

С утра моросило, весь день моросило,
казалось, что выйти из дому – не в силах,
но, твёрдо на плечи штормовку набросив,
без сына уйду в наступившую осень.
– Возьми меня в лес, не промокну! –
просил он.
– Нет, холодно, дождь. Всё вполне
объяснимо.
– А что тебе дома самой не сидится?
Ты хочешь промокнуть в лесу,
простудиться?

Но дождь в октябре,
всё вполне объяснимо:
лесная, спокойно зовущая сила.
Смотрю на берёз просветлённые лица,
как надо в лесу мне
душой проясниться!

Грусть

Разбросала осень
листья и дожди,
как надежды грустные по свету.
Не вернётся скоро,
жди его, не жди,
всё вокруг ласкающее лето.
Не воспрянет духом, словно по весне
долго зимовавшая травинка...
Но ведёт упорно к старенькой сосне
утренняя скользкая тропинка.
Чтобы прислониться, глубоко вздохнуть
и увидеть, сдерживая слёзы:
как лесной поляны покрывают грудь
листья, оголившие берёзу.

* * *

– Который час?
– Уже совсем светло.
– Ну можно, я посплю ещё немножко?
– Вот белым снегом смотрит свет в окошко,
а вот уже сугробы намело.
Вчера тебе так долго не спалось!
Сердечком по-мальчишески ранимым
ты остро ощутил утрату Бима,
а я не берегла тебя от слёз.
Я знала,
ты страдаешь в первый раз.
И становясь добрей, мой грустный мальчик,
и сторонясь по-детски резко фальши,
ты не сомкнул впервые за ночь глаз.
И, тоже не заснув, я ощутила,
что, становясь между добром и злом,
ты понимал:
тебе не повезло,
но ты уже обрёл в страданьи силу.

* * *

Иду легко по заморозкам первым
и думаю, что можно жить начать,
дождаться холодов, стихи писать,
смычком касаясь затаённых нервов.
Тогда со мной случится что-нибудь:
застанет дождь,
возьмёт метель в дорогу,
я окажусь одна. И – слава Богу!
Не звёзды – ветер мне укажет путь.
Я постараюсь жить – ты знаешь, как?
Без злобы, суеты и равнодушья,
и без тебя (была тебе послушна),
и без себя (святая простота!).
Но что-нибудь, какой-нибудь пустяк
я всё-таки оставлю за собою:
осознанность, что жить на свете стоит,
уверенность, что жить не просто так.

* * *

Мои страдания бесследны,
мои не сказаны слова...
Кто муки сладкими назвал,
тот муки горькие изведал.
Не знала горечи их, нет,
и сладости не испытала...
Я просто знала, что страдала
на равнодушие в ответ.

Урок

Как близок мне
с утра притихший класс!
Притихший не по окрику, из страха
за двойку,
что со зла на них взялась
по принципу –
близка своя рубаха.
Читаю детям,
а потом – они.
И вместе мы осознанно жалеем
о том, как быстро оборвались дни
Маруси из сырого подземелья.
Как был Герасим нем и одинок,
и, сильный в горе,
непонятно честен...
И – смерть Муму.
Наверное, урок
здесь просто оказался неуместен.
Притих мой класс,
заволновался класс.
Большое сердце – тридцать с лишним
стуков.
Из детских глаз надежда родилась
на доброту и искренность поступков.

Женщине на станции «Ксеньевская»

Забайкалье.
Всё было грустным в долгой той зиме,
Всё было, чтоб не повториться снова...
Февраль, заносы, от тебя – ни слова,
И добрый снег охапками в окне.
Я приходила вечером домой,
Дрова вносила – бережно, устало,
И снова у соседки узнавала –
Была ли почта. Может, выходной?
Как взгляд её мою беду встречал!
Участливо. Светло и осторожно.
Всё было впереди, и всё – возможно,
И приглашала на брусничный чай.
А ягода с мороза так вкусна!
И я за час, сама себе на диво,
Вся согревалась, сердцем отходила,
Пьянея, как от доброго вина...
Та женщина, хотя и не стара,
Ни писем и ни встреч не ожидала.
Та женщина поистине страдала,
А потому участлива была.

Ожидание

В рассветах, свежестью неповторимых,
Одним ли нам с тобою не до сна?
Ещё ручьи не разлила весна,
Не затопила нежностью любимых.
Ещё лежат, отяжелев, снега
На склонах, на обочинах и крышах,
Но явственно прохладный запах слышен
Подснежника, прозрачного цветка.
И ветки, устремляясь в синеву,
Как будто бы вот-вот раскрылят почки
И выпустят в полёт свои листочки,
И это будет скоро, наяву.
Как всех вокруг весна объединит!
Взгляни перед собой.
Сейчас упрямо
Ручонка малыша соединит
Слегка рассорившихся папу с мамой.

Щавель

Что написать тебе про день вчерашний?
Он, как всегда, делами начинался.
Я постирала, вымыла полы
И к девяти утра была готова.
Рюкзак за плечи – и долой из дома
В тот край, где бесконечные стволы.
Мне очень нравилось одной по лесу,
Читая книгу, медленно бродить,
На светлый луг внезапно выходить,
Где никогда мы не бывали вместе.
Там в сочных травах тихо рос щавель,
Его я столько принесла с собою,
Что все соседи кушали сегодня
Зелёный суп. Душистый, как апрель.

* * *

С тобою встретиться и вдруг
В который раз в тебя – влюбиться.
Как ключевой воды напиться,
Твоих родных коснувшись рук.
Тебя с дороги накормить,
Не отрывая глаз печальных.
По-матерински отмечая,
Как похудел ты.
Позабыть
Необязательные ссоры,
Необязательный разрыв.

О буднях напрочь позабыв,
Поверить праздникам весёлым.
От одиночества устав,
От женской нежности – сдержаться.
Не подчиниться, не прижаться,
А уложить, как сына, спать.
И, плача лёгкими слезами,
Смотреть, как спишь ты, мой родной...
Рука по-детски – под щекой,
И как-то весь покорно замер.
И вдруг понять, пока ты спишь,
Что ты – единственный и лучший.
Любви своей святую сущность
Молчаньем только объяснишь.

Неприкосновенье

Легко автобуса скольженье.
С утра, на несколько часов
Волненье, как освобожденье
От слов.
В февральском небе стынут звёзды,
В окно автобуса – теплынь.
А мимо окон
Снег да сосны.
Остынь!
Какое долгое томленье
В крови, одетой налегке!
И это неприкосновенье
К твоей руке.

* * *

Что же ты, Бугульма,
не выходишь встречать?
Протяни мне усталую руку.
Два крыла за душой
да рюкзак на плечах,
да слова впереди про разлуку.
Я не огорчена,
что меня здесь не ждут
остальные.
Но мамочки старой
дорогие глаза
снова к сердцу прильнут...
Много ль этих мгновений осталось?

И снова о тебе...

По январскому по холоду
Жду тебя – который день!
Отпусти, мой милый, бороду,
Отпусти не для людей,
Не для красоты и мудрости,
Не для моды – для меня.
Чтобы шёпотом запутаться,
Чтоб прибавилось огня.
На тебя, на бородатого,
Целый день не насмотрюсь.
Вся изнежусь, вся податлива,
Исколюсь и истомлюсь.
Не устану целовать тебя,
Значит, стану молодеть.
Знаешь, я не виноватая,
Что костром хочу гореть.
Да, костром – не печкой газовой,
Ты подкладывай-ка дров...
Будет в ласках безотказная
Моя женская любовь.

* * *

От восторга лишаюсь слов,
Запрокидываюсь в небеса...
Росчерк перистых облаков –
Сам Господь картину писал.
В синеве растворились сны,
Что мне виделись много лет...
Боже мой!
Из какой же тьмы
Вышла я, чтоб увидеть свет.

* * *

Мне сны беспокойные снятся –
Мы рядом. Поём и смеёмся.
Но вдруг – навсегда расстаёмся,
Боюсь, что тебя – не дождаться.
И взгляд твой, и голос мне снится,
Во сне ли ночные тревоги…
Не снится мне, милый, не спится,
Ну что ты стоишь на пороге?

* * *

Юле

Сноха, невестка... – дерзкие слова.
Но теплится живое слово – *дочка*.
К нему привыкла я ещё не очень,
произношу его пока едва.
Но я уже успела полюбить
твой смех и глаз сердечность и лукавость,
и беззащитную твою усталость,
и недовольство мною, может быть.
Наверное, ты пристальна ко мне,
к моим и недостаткам, и ошибкам,
не потому ль приятна мне вдвойне
за доброту к тебе – твоя улыбка.
Ещё моя тропиночка свежа
к душе твоей через тропинку сына...
Но буду счастлива я, очевидно,
тем, что к душе приблизится душа.

Бегу, и даже некогда упасть

Я каждым годом прожитым довольна,
И старость надо мной теряет власть.
Но суетность гнетёт меня невольно –
Бегу, и даже некогда упасть.
И всё мелькает – небо, травы, лица.
Мой поезд жизни быстр и одинок.
Когда-то должен он остановиться.
Остановлюсь и я.
Но как далёк
Ещё мой путь до звёзд и совершенства,
Ещё плутаю я в недоброте.
Среди друзей мне не хватает места –
Врагов не знаю, а друзья не те.
Себе принадлежать я не умею –
Заботой, состраданием живу.
Я, как богатством, чувствами владею,
А потому доверчивой слыву.
И сердце любит горячо и больно,
Не замечая возраста примет...
Я каждым годом прожитым довольна,
Но как поверить в быстротечность лет?

* * *

Как в эту мягкость воплотиться?
Над тишиной и надо мной
Кружится снег, как будто снится,
И на душе покой, покой...
Как странно, что зимою – о зиме,
О бесконечной снежности мечтаю...
Снежинки прикасаются ко мне –
Я бережнее нежности не знаю.
Как весело сплетаются следы
У лёгкого крыльца молодожёнов!
Свет фонаря, как яркий свет звезды,
От их любви над крышею зажжённый.
Спасибо, снег, что мимо не прошёл
И мне январским утром повстречался...
Как грустно! Как легко и хорошо
От снега. Света. И чужого счастья.

* * *

Как жду тебя!
С минуты на минуту
Все сорок лет
Тебя так не ждала.
Ни разу и не ссорились как будто –
Так много в сердце
Счастья и тепла!
Такими именами называю,
Так свято каждым взглядом дорожу!
Так жду тебя!
Плохое забываю,
Несбыточное
В сердце ворошу.

Утренняя молитва

Рассвет... На кухне – холод. Занавеска. Готовый завтрак. Но печален стол. И я не с той ноги сегодня встала. А под ногами крутится котёнок.

Я закричала на него. И вдруг увидела, как он неловко вздрогнул. Я на колени рядом опустилась, и стало много слёз, но мало слов...

Прости, Отец Небесный, гнев и злобу!

Я столько лет неправедно жила! Столько боли приносила близким!

Я жизнь дала лишь одному ребёнку, а пятерым посмела запретить по милости Твоей на свет явиться! Я прожила так много лет, но только недавно приняла Твой дар – любить.

О Господи, как нестерпимо больно! Но Ты простил! Я верю. Ты – простил.

Старость – незаслуженное свинство

И вот. Я в этом обвиняюсь. В старости. В чём-то настигающем меня, незаслуженном, непоправимом. Свинстве? Ну да, конечно, плотью, а позднее – духом я избегала встречи с ней, отворачиваясь от потускневшего взгляда, рыхлого, затяжелевшего тела, условностей её скучающего бытия с разговорами о немощах телесных, проявлениями обид, усталости...

Не потому ли мне комфортно было с юностью – не безликой, не помнящими своего цвета волосами, а думающей и чувствующей юностью. А ещё уютнее с детьми, когда можно разгуляться фантазией, не заигрывать в разговорах, но прислушиваться с пониманием и даже вполне естественно поиграть в футбол и жмурки. Благо энергия, дарованная Богом и образом жизни, помогает мне.

Как желанно мне перелезть и сейчас через невысокий забор, запеть и закружиться в весеннем перелеске, задохнуться сладко-сладко от привольного загородного ветра, недосягаемого чистотой своей неба. А если где-то внутри шёпотом напоминают о себе болячки возраста, так это опять-таки не старость, а мудрое напоминание, что временное жилище моё готовится рухнуть или сгореть, чтобы на его месте вскоре зазеленела трава, а она бессмертна... Это я вспоминала сгоревший соседний дом на даче, который так живописно, просто чарующе обновлён – но оброс травами и сочной крапивой. Бессмертие – бесконечно.

Но что же тогда дух? Человеческий дух, дарованный Богом? Если смерть – это зло, но Господь даже зло обращает в добро, то и я, как многие, ушедшие из бренной этой жизни, и в смерти обрету утешение... Ведь дух освободится и будет стоять над этим – трудностями испытаний, тревог. Ведь на то мы и люди, чтобы быть не просто телами и душами, а воплощёнными духами... Алексадр Блок писал:

Над нами сумрак неминучий,
иль ясность Божьего лица.

Так вот, если «сумрак неминучий» моей жизни и старость в конечном счёте – это незаслуженное свинство, то «ясность Божьего лица» в итоге жизненного пути позволяет довериться нашему единственному Творцу.

* * *

Раскрылились почки –
вот девичья нежность весны.
А мне, словно ночью
не снятся в желаниях сны.
Но даль поднебесная ласкова и ясна.
Когда-то поспешно
последнею станет весна...